

Эти «кулябкины идеи» решительно доступны каждому: и вот почему так много космополитов. Космополитизм естественно завершается в нигилизм. Нигилизм оттого и неодолим в России, что от него некуда уклониться космополитизму, с которого начала Россия: как пирамиде некуда убежать от своей вершины. И хоть имей пирамида основанием всю землю, — кончится она в одной точке: так между маркизом Позою и «Письмами русского путешественника» начавшись, он кончился, пройдя невероятно много фазисов, — прыжком зверя в Киевском театре. «*Все ел — скушай и это*».

Вред и опасность в самой идее, что человеческая *личность*, которая по этому самому в высшей степени *единична*, может быть составлена как столлярная поделка — из кусочков разной породы дерева, из всех стран, со всех климатов. Будь то душа Шекспира — и она подавится от такого космополитического глотания. Космополитизм — мертвечина и механизм. Начавшись маркизом Позою — он кончит Богровым: ибо душа Позы умрет, задохнется, изломается, исказится... А когда она умрет, ее разложение явится в преступлении. Уже космополитизм — преступление, уже самая его идея. Не *почему-нибудь*, а потому, что она *мертвая, механическая*. Потому что, *относясь к истории*, — она *внелична*. Ибо история — это всегда *личность*, как и человек — *лицо*. Национализм и есть не что иное, как построение истории *на личности*; правильнее — как *laissez faire, laissez passer** личности, которая есть *факт раньше истории*. Это есть «мой» рост, «наш» рост; «сосны» и соснового «бора»... В истории, так понимаемой, все — закон, все правило, все стройность... Предвидение «на завтра» и мудрость веков. Этот национализм так же практичен, как и интересен в теории.

Он, наконец, есть творчество, которое и может быть только *личным*, «своим»... у каждого, у человека, у народа.

Космополитизм — это всеобщая подражательность... Всегда *бездарная подражательность*, — как наша история последних лет.

КАК ТОРЖЕСТВУЕТ «РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ»

«Росту народной русской культуры вредит засилье националистов. После битвы при Калке татары связали пленных противников, положили их под доски и сами сели на доски обедать. Современные националисты вошли в роль этих татар. Связав инородцев, они на их костях ораторствуют и пишут на тему: Россия для русских»...

Так я прочел, в «Речи», за подписью социал-кулябки Философова, статью против себя, против А. А. Столыпина, покойной княжны Дондуковой-Корсаковой, с которой «основательно» отказались говорить шлиссельбуржцы, против Пушкина и его «Клеветников России», против Лермонтова и

* позволяйте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда хочет) (*фр.*).

его «Бородина», против Толстого и его «Войны и мира»: все мы «осатанели» (слово Философова), все сидим на костях инородцев и жирно едим, жирно пьем, когда Мережковский и Философов по-христиански постятся над местом, где зарыт прах Мордки.

Сидим, веселимся и кушаем, а косточки инородцев трещат...

Встал — и пошел к гипсовой маске, снятой с покойного *русского* философа Страхова, где у меня хранятся нужные бумажки. И вот достал документ о притесненных инородцах: это — «Повестка о назначении дела (генерала Петрова против меня) к слушанию»:

... «На основании 882-й ст. уст. уг. суд. защитником ему, Розанову, председателем назначен присяжный поверенный Аркадий Львович *Зильберштейн*». При повестке приложен, на отдельном листочке: «Список, составленный на основании 589-й ст. уст. уг. суд.». Вот его текст: «Именной список гг. судей и товарищей прокурора 2-го уголовного д-та сбп. судебной палаты. Председатель д-та А. И. *Руадзе*, члены палаты: Л. В. *Позен*, И. Д. *Архангельский*, М. В. *Лешко-Попель*, И. П. *Савастьянов*, В. В. *Граве* и Г. И. *Орлов*. Товарищи прокурора М. С. *Тлустовский*, А. С. *Червинский*, И. Н. *Шведер*, М. П. *Стремоухов*, А. Н. *Благовещенский*, П. М. *Устимович*, О. Ю. *Витер*, А. П. *Мякин*, Е. О. *Шарко*, Н. А. *Громов* и М. В. *Литовченко*. За секретаря В. *Зек*»...

Вот вам и «лежат под досками»... Не нашлось «Ивановых», «Семеновых», «Вознесенских» для суда в столице Империи... Но какой же «Иванов» не дурак и какой же «Зильберштейн» не умница? «Зильберштейн», очевидно, талант, а вот, напр., присяжный поверенный А. М. *К-нцов*, мой ученик по Елецкой гимназии, сидел-сидел в Петербурге, бился-бился, составил, несколько лет проработав (*на невольном досуге*), биографию К. Н. *Леонтьева*: ждал, просил, искал, — и никакого не только дела, но и *делишка* не нашел, с женой и ребенком, и вот сейчас собирается в провинцию что-нибудь искать, как-нибудь устроиться... и, поистине, найти

Где оскорбленному есть сердцу уголок.

Когда судилась в той же спб. судебной палате моя брошюра «Русская церковь», — то заседание началось часов в 8 вечера, и во всех отделениях палаты заседания уже окончились, но присяжные поверенные, желая, вероятно, послушать защищавшего меня С. А. *Андриевского*, задержались на несколько минут — и вошли в зал...

Зрелище, которое мне открылось, было до того внушительно и страшно, что, признаюсь, я потерял способность следить за ходом защиты моей брошюры: плохо освещенный большой зал весь наполнился темным людом, с адвокатскими значками, между которыми *не было ни одного русского лица*, с этакою «русскою бородою» и русской походкой, словом, — признаки есть, ошибиться нельзя... Весь русский суд уже захвачен нерусскими, и тут «так сложилось дело», что вновь приходящему русскому «не просунуть и носа»... Ну, есть *Андриевский*, есть *Карабчевский*, еще, конечно, найдется десяток, может, два десятка на весь Петербург, которых уж *никак*

нельзя было не пустить, сила у них большая, талант слишком яркий... Но все, что не «сом», все, что помельче «сома», — все это не пущено, в сущности, вовсе не «сомами», а «Зильберштейнами», которые «умны» и «подходящи» просто потому, что они «Зильберштейны» и что тут «свой своего держит и чужого топит»...

«Чужой, которого *топят*» около *русского* суда — это «русский»...

Когда (с месяц назад) я это передавал с горем г-ну Фарбману, руководителю книгоиздательства «Пантеон», — мне симпатичному еврею — он улыбнулся какою-то «знающею улыбкою» (и сейчас стал мне от этого противен) и ответил:

— Да, ну что же... евреев никуда не пускают, и *они захватили суд*...

Что «никуда не пускают» — я пропускаю: но что «захватили суд» — это его слово, слово еврея, *полное глубокого сознания и глубокого удовлетворения*. На «никуда не пускают» я имею только тот ответ, что, «куда бы их ни пустили», они и там «все захватят»... Захватят и не оставят даже «5-процентной нормы» русским...

Так что кто же «лежит под досками» и жирно кушает, г. Философов? Ну, да возьмите *русскую газету* «Речь», печатающуюся в *русской столице и на русском языке*: уж не Философов ли там «сидит на доске», а «под доскою» лежит Гессен и Любош... Бедный Гессен: на нем сидит русский барин, русский помещик Философов, сын члена Г. Совета, и поет он, этот Гессен, в глубокой зависимости от Философова, *русскую песню и в русских интересах*...

Барин Философов, счастливый Философов... Он поет свободную песнь и одному вдохновению покорен:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв...

Ах, господа русские баре: скоро-скоро кошечка облизнет ваши косточки и умоется лапкой... И, ей-ей, даже не вспомнит вашего многострадального терпения...

Это как в Великий Четверток поется на всенощной:

«Слава многотерпению Твоему, Иисусе»...

Вспомнишь и, обернувшись к русскому люду, скажешь:

— Слава многотерпению вашему, человецы...

К ОТКРЫТИЮ ЭТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В воскресенье, 30 октября, в 1 1/2 ч. дня, в помещении гимназии Е. М. Гедда (ул. Глинки, д. 6) последует открытие *Этического общества*, которое кроме обычных собраний, чтений, лекций и т. д. имеет задачей издавать полезные книги, брошюры, сборники и т. д. по предмету своего ведения. Район его